

ИСПАНОЯЗЫЧНАЯ ОБЩНОСТЬ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ НАЦИИ: ЛИНГВОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Актуальность исследования обусловлена возрастающим влиянием стран Латинской Америки в международных делах, активным развитием связей России с данным регионом. Статья направлена на выявление роли лингвополитического объединения этих стран в международных политических процессах (в исторической перспективе и на современном этапе). Лингвополитические процессы проанализированы как на примере борьбы латиноамериканских стран за независимость, так и на современном этапе оформления испаноязычного полюса мировой политики. Исследование проведено на основе историко-генеративного метода с привлечением лингвистических методов и методологии лингвистического детерминизма (Э. Сепир, Б. Уорф). Автор статьи рассматривает язык как важнейший фактор политического процесса. По его мнению, политическое (и иное) сообщество не может функционировать без общего языка. Любое социальное сообщество – это прежде всего языковой коллектив. Языковые изменения – зеркало социально-экономических процессов, происходящих в обществе, их квинтэссенция. На языковых примерах легко представить модель того или иного исторического или политического процесса. В статье показано, что создание лингвистически родственными государствами международных политических союзов государств на основе схожего культурно-языкового базиса и, как следствие, «склонности» к той или иной идеологии закономерно. Этот процесс начинается и развивается только в условиях противостояния данной «цивилизации» с другими культурно-языковыми мирами. Так, «левый поворот» и «социализм XXI века» в Латинской Америке во многом были вызваны провалом неолиберальной идеологии, которая рассматривалась как продукт «англосаксонского мира». Предварительный распад испаноязычной лингвокультурной общности (Испания – Латинская Америка) имел своим непосредственным итогом борьбу за независимость американских колоний от Испании и создание независимых от метрополии и друг от друга испаноязычных американских государств. На современном этапе можно наблюдать возрождение латино- и ибероамериканского единства на качественно новом уровне. Материалы статьи могут быть использованы для анализа перспектив деятельности международных политических союзов, а также для дальнейшего развития лингвополитических исследований.

НАЦИЯ; ЯЗЫКОВОЕ СООБЩЕСТВО; ИСПАНОФОНИЯ; МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ; МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ.

Испаноязычный мир в начале XXI в. привлекает всё большее внимание международных и футурологов. Это связано с усилением экономического и политического влияния латиноамериканских стран в международных делах и быстрым ростом численности испаноязычного населения. Испаноговорящие сейчас рассматриваются как третье по количеству носителей языковое сообщество после англоязычного и китайского. Одновременно продолжается процесс «испанизации» США, где

так называемые «латинос» также приобретают всё большее значение. Поэтому неудивительно, что и в научных трудах, и в политической публицистике всё чаще говорится об особой «испаноязычной цивилизации», имеющей большое будущее. Прежде всего здесь, конечно же, имеется в виду Латинская Америка. Но и сама Испания является значимой частью этого мира. Эта пиренейская страна активно развивает сотрудничество со своими бывшими американскими колониями (достаточно отметить расту-

шее значение таких международных площадок, как ибероамериканские саммиты и конференции, создание секретариата ибероамериканского сотрудничества, институционализацию «испанофонии»). Сумеет ли испаноязычный мир стать одним из главных полюсов многополярного мира? Этот вопрос становится всё более актуальным для будущего международных отношений и мировой политики.

Но может ли вообще испаноязычное население разных стран рассматриваться как единая общность? «Возможно ли говорить об Иberoамерике как о некоем едином субъекте мирового цивилизационного процесса или Иberoамерика — это, так сказать, цивилизационный фантом, некая неструктурированная туманность, подпитываемая историко-культурной ностальгией по общему прошлому и неопределённому настоящему?» [4, с. 11]. Более того, вопрос о степени латиноамериканского единства также остается открытым. «Достаточно дискуссионной представляется и проблема, касающаяся степени гомогенности латиноамериканской культуры. Ведь в рамках латиноамериканского мира существуют примеры, когда различия, несомненно, превалируют над общими характеристиками» [Там же. С. 43]. Но даже в том случае, если мы признаём факт существования «испаноязычного сообщества», является ли оно исключительно культурной общностью, или же о нем можно говорить как об идеологической (некоторые исследователи, например, пишут о «ценностных ориентациях латиноамериканцев, которые существенным образом отличаются от ценностных ориентаций американцев» США [11, с. 45]) и о политической реальности?

Ответы на все эти вопросы часто носят политизированный характер. Мы попытаемся предложить путь для более объективного анализа. Поэтому в самом начале необходимо сказать о методологии нашего исследования. Язык рассматривается нами как важнейший фактор политического процесса, ибо никакое политическое (и иное) сообщество не может функционировать без общего языка. То есть любое социальное сообщество — это прежде всего языковой коллектив. Язык при этом не является исключительно пассивным инструментом общения, отчасти он сам «конструирует», подгоняет социальную реальность под свою «языковую картину мира». Однако данное положение

не означает принятия конструктивистской методологии. На наш взгляд, именно языковые реалии (которые могут быть учтены и просчитаны), а не расплывчатые «коллективные представления» являются наилучшим материалом для современного политического анализа. Языковые изменения — это некое зеркало всех социально-экономических процессов, происходящих в обществе, их квинтэссенция. Поэтому именно на языковых примерах легче всего представить модель любого исторического или политического процесса.

Очевидно, что в начале процесса испанской колонизации Америки существовала испаноязычная общность колонизаторов, бывшая частью испаноязычной общности метрополии. Конечно, гомогенность этой общности не была полной. Сама Испания изначально возникла на основе объединения различных государственных образований и конгломерата различных диалектов и даже языков. Более того, нужно вспомнить и теорию «андалусизма» латиноамериканских вариантов испанского языка (матросы у конкистадоров были преимущественно из Андалусии, они занесли в Америку этот диалект испанского языка). Но тем не менее можно говорить о культурном, языковом и религиозном единстве переселенцев с метрополией в начале процесса колонизации. Первым тезисом нашей статьи является то, что предварительный распад данной культурно-языковой общности (ибо национальные варианты испанского языка стали складываться задолго до XIX в. под влиянием как субстрата — индейские языки, так и суперстрата — языки привезенных африканских рабов) имел своим непосредственным итогом борьбу за независимость американских колоний от Испании и создание независимых от метрополии и друг от друга испаноязычных американских государств.

На современном этапе в какой-то мере можно наблюдать возрождение латино- и иberoамериканского единства на качественно новом уровне (как, впрочем, и между Великобританией и США). Таким образом, вторым тезисом нашего исследования является то, что создание международных политических союзов государств на основе схожего культурно-языкового базиса закономерно.

Итак, причины и распада, и «воссоздания» испаноязычного мира, на наш взгляд, во мно-

гом имеют языковую подоплеку или, по крайней мере, могут быть описаны «лингвистически», учитывая роль языка как зеркала любых социально-экономических изменений.

Распад языковой общности. Традиционно основными причинами борьбы американских колоний за независимость от Испании называются экономические факторы. Так, например, Н.Н. Марчук пишет, что этот процесс имел «своей задачей разрушение колониального экономического базиса (торговых и иных монополий, запретов, ограничений, регламентаций и т. п.), а также ниспровержение охраняющей его политической надстройки (завоевание политической независимости)» [7]. Причем основным противником испанского колониального господства выступило не коренное индейское население, а испаноязычные креолы, которые сами на местах активно подавляли все восстания индейцев («к концу XVI в. в Испанской Америке креолов насчитывалось от 150 до 300 тыс., к середине XVII в. — уже 659 тыс., а к 1815 г. — от 3,3 до 4,3 млн человек. К началу XIX в. они составляли большинство населения провинции Буэнос-Айрес (75 %), Уругвая (72 %), на севере Чили (69 %), в департаменте Трухильо в Венесуэле (70 %), в южном Перу и т. д.» [Там же].

Об этом пишет и известный английский исследователь национализма Б. Андерсон: «Эти цифры тем более впечатляют, если мы обратим внимание на то, что в 1800 г. в 3,2-миллионном креольском „белом“ населении Западной империи (навязанном приблизительно 13,7 млн туземцев) испанцы, рожденные в Испании, не составляли и 5 %. В Мексике накануне революции был всего один креольский епископ, хотя креольское население этого вице-королевства численно превосходило *peninsulares* в 70 раз. Нет необходимости говорить, что для креола было неслыханным делом подняться на высокий официальный пост в Испании. Более того, препонами были обставлены не только вертикальные паломничества креольских функционеров. Если полуостровные чиновники могли проделать путь из Сарагосы в Картахену, потом в Мадрид, Лиму и опять в Мадрид, то „мексиканский“ или „чилийский“ креол, как правило, служил лишь на территориях колониальной Мексики или Чили: горизонтальное движение было для него так же ограничено, как и вер-

тикальное восхождение» [1]. Таким образом, испанское господство прежде всего противоречило экономическим интересам местного креольского капитала и политическим интересам всего остального креольского населения. В культурном же и религиозном плане противоречий у креолов с иберийскими испанцами, на первый взгляд, не было.

Как известно, именно этот феномен во многом лег в основу концепции Б. Андерсона о нации как «воображаемом политическом сообществе». Андерсон пишет о «креольских пионерах» национализма, в освободительной деятельности которых «язык не был элементом, дифференцирующим их от соответствующих имперских метрополий. Все они, в том числе США, были креольскими государствами, которые создали и возглавляли люди, имевшие общий язык и общее происхождение с теми, против кого они боролись. На самом деле, можно уверенно сказать, что в их ранней борьбе за национальное освобождение вопрос о языке никогда даже не ставился» [Там же]. Именно в этом, с точки зрения Андерсона, и заключается загадка: «Почему именно креольские сообщества так рано сформировали представление о том, что они нации, — задолго до большинства сообществ Европы? Почему такие колониальные провинции, обычно содержавшие большие, угнетенные, не говорившие по-испански населения, породили креолов, сознательно перепределивших эти населения как собратьев по нации? А Испанию, с которой они были столь многим связаны, — как враждебных иностранцев? Почему испано-американская империя, безмятежно существовавшая на протяжении почти трех столетий, вдруг неожиданно распалась на 18 самостоятельных государств?» [Там же].

Первая часть ответа Б. Андерсона на свой вопрос, на наш взгляд, не вызывает сомнений: «Первую зацепку для ответа на этот вопрос мы находим в том поразительном факте, что каждая из новообразованных южноамериканских республик была с XVI до XVIII в. административной единицей. В этом отношении они стали предвестницами новых государств, появившихся в середине XX в. в Африке и разных районах Азии, и разительно отличаются от новых европейских государств конца XIX — начала XX в. Первоначальные очертания американских административных единиц были в какой-то сте-

пени произвольными и случайными, помечая пространственные пределы отдельных военных завоеваний. Но под влиянием географических, политических и экономических факторов они обрели со временем более прочную реальность. Сама обширность испано-американской империи, необычайное разнообразие ее почв и климатов и, прежде всего, исключительная затруднительность коммуникаций в доиндустриальную эпоху способствовали приданию этим единицам самодостаточного характера» [1]. Впрочем, в этом рассуждении нет ничего нового. Еще в самом начале XIX в. аббат де Прадт предсказал, что «испанские владения в Америке добьются самостоятельности и образуют 15-17 государств („наций”)» [9, с. 143].

Серьезные сомнения вызывают дальнейшие рассуждения Б. Андерсона. В качестве предварительного вывода из своей аргументации он отмечает, что она нацелена не столько на объяснение социально-экономических оснований сопротивления, направленного в Западном полушарии против метрополий, сколько на объяснение того, почему это сопротивление было воспринято именно во множественных «национальных» формах. Как пишет Андерсон, экономические интересы, поставленные на карту, хорошо известны и явно имеют основополагающее значение, а либерализм и Просвещение тоже, несомненно, оказали мощное влияние, и прежде всего тем, что дали арсенал идеологической критики колониальных имперских режимов. Однако, по его мнению, «ни экономический интерес, ни либерализм, ни Просвещение не могли сами по себе создать и не создавали тот тип, или форму, воображаемого сообщества, который необходимо было защищать от посягательств этих режимов; иначе говоря, ничто из них не создавало общую рамку нового сознания — т. е. едва заметную периферию его поля зрения, — в отличие от попадавших в центр этого поля объектов восхищения или отвращения. Решающую историческую роль в осуществлении этой особой задачи сыграли креольские паломники-функционеры и провинциальные креольские печатники» [1]. На наш взгляд, роль этих факторов сильно преувеличена, да и вообще является сомнительной. Так, например, книгопечатание скорее не создает новую нацию, а, напротив, искусственно сохраняет единую языковую литературную

норму, замедляет языковые изменения и тем самым поддерживает единство изначального языкового сообщества. С нашей точки зрения, распад испанской колониальной империи в значительной мере был вызван именно языковыми причинами.

Любой живой язык не является застывшей математической системой, напротив, он постоянно изменяется. Современная лингвистика считает изменчивость глубинным и универсальным свойством языка. Причем возможность и необходимость этих изменений вытекает из сущности языка как информационного кода, с помощью которого происходит взаимодействие индивидов. И этот код обладает избыточностью (одно и то же можно выразить разными словами). Иначе — крах коммуникации. Любое конкретное языковое сообщество в данное время избирает свой «эталон» в этой вариативности. Таким образом, в случае разделения носителей одного языка (фактор расстояния и внешних преград) неизбежен распад этого языка на диалекты, а затем, возможно, и на самостоятельные языки. Еще в XIX в. неограмматики утверждали, что язык распадается на диалекты под влиянием двух факторов — времени и расстояния. Это произошло и с испаноязычным креольским сообществом в Америке. Фактору географической удаленности от метрополии сопутствовало существование местного индейского и даже негритянского субстрата в языке. В итоге за 300 лет отдельного существования испанский язык в Америке приобрел свои четко выраженные языковые особенности, стал диалектом (или скорее конгломератом диалектов), неким «маркером», отделяющим «своих» от «чужих».

Известный лингвист В.С. Виноградов писал: «Протяженность испаноязычного ареала, контакты испанского с языками аборигенов, исторические, этнографические, миграционные, политические и прочие особенности этих государств не могли не повлиять на дифференциацию испанского языка в зависимости от зоны его использования. Неоднородность испанского языка не ограничена его членением на диалекты и говоры. В нем выделяется еще одна разновидность, более высокого уровня: так называемые национальные варианты. Каждый из них реализуется в одном из 20 испаноязычных государств... Под национальными

вариантами понимаются „такие формы национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но вместе с тем приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности”» [2, с. 81]. Лингвист-романист Г.В. Степанов отмечал, что «испанский язык Америки есть разновидность (вариант) структурно единого испанского языка в совокупности особенностей его новых общенародных форм и местных диалектов и говоров» [10, с. 9]. Языковед Н.М. Фирсова писала, что «в силу негомогенности испанского языка национально-культурная специфика речевого общения в нем проявляется в двух планах: с одной стороны, при его сопоставлении с иными языками (межъязыковая национально-культурная специфика), с другой – при сопоставлении между собой различных национальных вариантов испанского языка (межвариантная национально-культурная специфика)» [12, с. 52].

Процесс распада испаноязычной общности привел к возникновению ряда новых языковых коллективов, сложившихся на основе административных границ испанских колоний. «Длительный процесс смешения различных этнических компонентов сопровождался установлением определенной общности местного, креольского, негритянского и части индейского населения Испанской Америки. Все они говорили на испанском языке, исповедовали католицизм. Ранее не связанные между собой территории отдельных племен и народов были объединены в рамках вице-королевств и генерал-капитанств, делившихся на провинции и более мелкие административные единицы. Важное значение имели развитие экономических связей и образование внутреннего рынка в каждой из колоний. Под воздействием всех этих факторов к началу XIX в. сложились объективные предпосылки становления испаноамериканских наций. Однако дальнейшей национальной консолидации препятствовало колониальное положение Испанской Америки» [7].

Причем «к этому же времени едва уловимые различия между американскими европейцами и европейцами из метрополий начали перерастать в отчуждение и неприязнь. На бытовом уровне это проявлялось в употреблении креолами презрительных кличек по отношению

к европейцам и в ответных колкостях европейцев, подобных той, что они и детей бы собственных любили больше, если б факт рождения в Америке не делал их креолами. На уровне самосознания у креолов складывалось ощущение принадлежности не к европейской, но к американской общности как особой нации. Когда же, указывая на индейцев, негров и т. п., европейцы изобретали для таких наций оскорбительные ярлыки (вроде нации макак в Бразилии), креолы, помимо прочего, отвечали присвоением истории других этносов. Они, например, до такой степени принимались восхвалять подвиги чилийских арауканов в битвах с конкистадорами в XVI в., будто имели к героизму индейцев самое прямое отношение» [Там же].

Таким образом, на наш взгляд, в Латинской Америке (так же как и во всех других регионах) экономические противоречия были лишь необходимым «горючим» для сепаратизма, но не его истоком. Исток же – это появляющиеся в связи с дальностью расстояний (затруднение в общении) и местного субстрата (индейцы) национально-языковые особенности, ведущие к неизбежному противостоянию с испаноязычной общностью метрополии и формированию новой латиноамериканской идентичности.

Создание языковой «цивилизации». Итак, наша лингвистическая интерпретация истории может быть сведена к достаточно простой схеме, которая во многих аспектах совпадает с современными социологическими концепциями.

Под термином «сообщество» мы понимаем группу индивидов, которая естественно и долговременно объединена через общение. Любая форма человеческого сообщества одновременно является и устойчивым языковым коллективом (от уровня семьи или дружеского сообщества до уровня «этноса»). Таким образом, «этнос» – это «тотальное», идеальное и «изначальное» языковое сообщество. Оно построено на основе горизонтальных связей и обладает как «естественной» саморегуляцией, так и способностью к самовоспроизведению. Языковая общность существует, пока существует язык, и изменяется вместе с ним. Как писал К. Манхейм, на этом уровне внутри сообщества существует «полное единение в направлении интенции и, как следствие этого единения, содержательно родственное мировоззрение и мирозидание» [6]. По его мнению, «там, где эта патриархальная форма

(имеющая место и в классовом обществе) сохраняется, участники застолья могут различаться по степени имеющейся в их руках власти, но в своих представлениях о мире они не знают никаких различий; в любом смысле слова они образуют конъюнктивную общность» [6]. Этот язык автоматически создает свою (крайне расплывчатую и неуловимую для тех, кто существует в этом языке) «базовую идеологию», которая может быть обозначена и как видение мира.

Но, расселяясь на новых территориях и расходясь географически, эта естественная языковая и религиозная общность естественно и распадается. Происходит постепенный переход от языковой общности («языки») к новым диалектам и племенам, но какая-то база для «взаимопонимания» всё равно остается и «большая» языковая общность виртуально продолжает свое существование, несмотря на распадение «большой» религии на «маленькие», а одного языка на множество диалектов.

Причины кризиса общности как основной социальной системы могут быть выведены как из экономического прогресса (что особенно близко системе понимания, принятой в нашем сообществе), так и из демографии или процесса завоеваний. Несколько упрощая, можно сформулировать следующий принцип: экономика «тащит» общество в будущее, а культура — в прошлое. Таким образом, в процессе экономического развития и завоеваний осуществляется постепенный переход от племен к государствам, а затем от «этнических» государств к империям. На этом уровне исчезает религиозное многообразие в пользу «имперской» религии, происходит языковая унификация (как в Римской империи, частью которой некогда была Испания). Но постоянное расширение границ приводит к естественному географическому регионализму и возникновению новых диалектов (испанский, как известно, возник на основе латыни)... Опять начинается распад, совершается переход от империи к государствам. Причем эти «диалектные государства» часто претендуют не только на политическую и экономическую свободу, но и подчеркивают свою языковую независимость. Одновременно и оставшаяся в наследство от империи универсальная религия поддерживается «священным языком» империи, всё более «этнизируется» каждым языком. Но затем происходит очередной виток языковой консоли-

дации. В процессе развития капитализма осуществляется переход от феодальных «сеньорий» к единому национальному абсолютистскому государству на основе оставшихся или вновь появившихся естественных языковых границ. В то же время отбрасывается всеимперский язык и модифицируется в национальном духе всеимперская религия. Происходит «снятие раздвоения человека на гражданина и христианина», и возникают новые «языческие» религии и идеологии (в смысле предназначенные для отдельного «языка»). В Европе Нового времени начинается изобретение своих «государственных» религий, тем не менее претендующих на универсальность по самой своей религиозной функции. В этой роли в немецком случае пытается выступить лютеранство, в английском — англиканство, во французском — кальвинизм. Одновременно и католицизм во многом «приватизировался» романским миром (с которым отныне фактически стали совпадать границы его распространения в Западной Европе)...

Секуляризация Нового времени влечет за собой естественное возвращение к языковым основам, ибо в случае утраты «языческой» религии общество может вернуться лишь к своей базовой языковой картине мира. Таким образом, в XIX в. происходит не столько изобретение «нации» из ничего, сколько сакрализация и «очищение» от исторических и религиозных напластований языкового сообщества национального языка. На неосознанной основе своей языковой картины мира возрождается и укрепляется национализм, который вновь пытается завоевать сопредельные и отдаленные страны, навязав им свое политическое господство и язык.

Но империи по историческим меркам недолговечны. Географическое разделение способствует возникновению новых культурных общностей (и диалектов) и тем самым является «горючим» для сепаратизма. Однако после освобождения колоний от политической и «языковой» метрополии исчезнувшие империи виртуально продолжают свое лингвоидеологическое существование, если оставляют после себя сложившееся и многочисленное языковое и религиозное сообщество. Среди исчезнувших политически, но культурно сохранившихся империй можно назвать не только Арабский халифат, но и испанскую, британскую и фран-

пузскую колониальные империи Нового и Новейшего времени... На этой основе происходит возрождение этого прежнего латиноамериканского и даже ибероамериканского единства на качественно новом уровне. Лингвистически родственные государства закономерно создают международные политические союзы государств на основе схожего культурно-языкового базиса и, как следствие, «склонности» к той или иной идеологии. Впрочем, этот процесс начинается и развивается только в условиях противостояния данной «цивилизации» с другими культурно-языковыми мирами. Так, например, «левый поворот» и так называемый «социализм XXI в.» в Латинской Америке во многом были вызваны провалом неоллиберальной идеологии, которая рассматривалась как продукт «англосаксонского мира». Эта трансформация была бы «невозможна без поддержки власти населением» [8, с. 16]. Одновременно происходит и усиление взаимодействия на ибероамериканском уровне. Причем «культурно-цивилизационная „соприродность“ Латинской Америки Европе постоянно выделяется как важнейшее условие, основа успешного развертывания подобного диалога» [5, с. 251].

Современные лингвистические ландшафты — это результат исторических изменений. Но это не только музейные экспонаты, покрытые геополитической пылью, они во многом определяют будущие тренды мировой истории. Прошли века завоеваний, насильственной ассимиляции и великого переселения народов. Но лингвистическая карта не застыла, как лава, повинувшись волшебной палочке Фукуямы.

В сущности, процесс внутриязыковых изменений лишь ускорился, а границы между языками стали более расплывчатыми. Языковая карта меняется всё так же быстро, как и в прошедшие века. Борьба языков не прекратилась, и с внешней стороны ничего не изменилось. Настали времена политико-экономического доминирования (всемирного или регионального), массового изучения глобального и государственных языков и массовой миграции.

«Реальностью общественного бытия являются значительные языковые различия между разными языковыми сообществами, которые очевидны и „онтологичны“» [3]. Как следствие, это предполагает и значительные лингвополитические (идеологические) различия между «нациями» и «этносомами». Создавая естественные лингвополитические союзы, они формируют новый мировой порядок на лингвополитической основе. Когда не будет разделения на «своих» и «чужих», политического противостояния, не останется и лингвополитического разделения, а культурное станет чисто формальным. Это, однако, весьма маловероятно в обозримом будущем.

Итак, наш основной «исторический» вывод может быть сформулирован достаточно просто: на долгих исторических промежутках доминируют не политические, а языковые разделения, выступающие в разных лингвополитических формах. Множественность социальных разделений, так или иначе, всегда преодолевается константой языка, который изменяется гораздо медленнее. Языковое разделение побеждает все остальные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Андерсон Б.** Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/index.php. (дата обращения: 04.03.2015).
2. **Виноградов В.С.** Лексикология испанского языка. М., 2003.
3. **Дмитриев М.В.** Стабильность языкового значения. URL: http://svitk.ru/004_book_book/16b/3468_lebedev (дата обращения: 21.02.2015).
4. **Ибероамерика** в мировом цивилизационном процессе (из материалов дискуссии) // *Iberica Americans*. Латиноамериканская культура в дискуссиях конца XX — начала XXI века. М., 2009.
5. **Латинская Америка** в современной мировой политике. М., 2009.
6. **Манхейм К.** Социологическая теория культуры в ее познаваемости. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/manh_soc/04.php (дата обращения: 12.03.2015).
7. **Марчук Н.Н.** История Латинской Америки с древнейших времен до начала XX века. URL: http://mesoamerica.narod.ru/Latin/latin_america (дата обращения: 08.12.2015).
8. **Пекольдт К., Коваль А.Г.** Трансформационные процессы в Латинской Америке: причины и тенденции // *Латинская Америка*. 2012. № 9.

9. Семёнов С.И. Преобразования «нации» в Латинской Америке // Национальная идея. Страны, народы, социумы. М., 2007.

10. Степанов Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963.

11. Фирсова Н.М. Испанский язык и культура в испаноязычных странах. М., 2012.

12. Фирсова Н.М. Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке. М., 2000.

ЧЕРНОВ Игорь Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

e-mail: igor_chernov@mail.ru

I.V. Chernov

SPANISH-SPEAKING COMMUNITY AND THE NATIONS OF LATIN AMERICA: LINGUO-POLITICAL ANALYSIS

The relevance of the study due to the growing influence of Latin American countries in international affairs, the active development of Russia's ties with the region. In this context, this article aims to identify the role linguo-political association of Latin American countries in international political processes (as in historical perspective, and at the present stage). The author analyzes the data processes as an example of the struggle for the independence of Latin American countries, and at the present stage of registration of the Hispanic pole of world politics. The study is conducted on the basis of historical and generative method, with the involvement of linguistic methods and methodology of linguistic determinism (Sapir, Whorf). Language is considered by us as the most important factor in the political process. For any political (and any other) community can not function without a common language. That is, any social community is, above all, language community. Language change – is a kind of mirror of the socio-economic processes taking place in society, their quintessence. Therefore, it is the easiest language examples present a model of any historical or political process. It is shown that the linguistic related states create international political alliances on the basis of similar cultural and linguistic basis and, as a corollary, “addiction” to this or that ideology. However, this process begins and develops only in the confrontation of the “civilization” with other cultural and linguistic worlds. For example, “left turn” and the so-called “socialism of the XXI century” in Latin America was largely caused by the failure of neo-liberal ideology, which was seen as a product of “the Anglo-Saxon world.” It is shown that the preliminary disintegration of the Spanish-speaking linguistic community (Spain, Latin America) has its immediate outcome of the struggle for the independence of the American colonies from Spain and the creation of independent from the mother and from each other Hispanic American States. Now, at the present stage, to some extent, we can observe a revival of the old Latin American and Ibero-American unity to a new level (as, indeed, and between the UK and the US). Thus, it seems logical establishment of international political alliances of states on the basis of similar cultural and linguistic basis. Article submissions may be used for the analysis of prospects for the activities of international political alliances and serve the further development of linguo-political research.

NATION; LINGUISTIC COMMUNITY; HISPANOPHONIA; INTERNATIONAL RELATIONS;
REGIONALIZATION; INTERNATIONAL ORGANIZATIONS.

REFERENCES

1. Anderson B. *Voobrazhayemyye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma* [The imagined communities. Reflections about sources and distribution of nationalism]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/index.php (accessed 04.03.2015).
2. Vinogradov V.S. *Leksikologiya ispanskogo yazyka* [Lexicology of Spanish language]. Moscow, 2003. (In Russ.)
3. Dmitriyev M.V. *Stabil'nost' yazykovogo znacheniya* [Stability of linguistic meaning]. Available at: http://svitk.ru/004_book_book/16b/3468_lebedev (accessed 21.02.2015).
4. [Iberoamerica in world civilization process (from discussion materials)]. *Iberica Americans. Latinoamerikanskaya kul'tura v diskussiyakh kontsa XX – nachala XXI veka* [Iberica Americans. The Latin American culture in discussions of the end of XX – the beginnings of the XXI centuries]. Moscow, 2009. (In Russ.)
5. *Latinskaya Amerika v sovremennoy mirovoy politike* [Latin America in modern world politics]. Moscow, 2009. (In Russ.)
6. Manheim K. *Sotsiologicheskaya teoriya kul'tury v yeye poznavayemosti* [Sociological theory of culture in its cognoscibility]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/manh_soc/04.php (accessed 12.03.2015).
7. Marchuk N.N. *Istoriya Latinskoj Ameriki s drevneyshikh vremen do nachala XX veka* [History of Latin America since the most ancient times before the beginning of the XX century]. Available at: http://mesoamerica.narod.ru/Latin/latin_america (accessed 08.12.2015).
8. Petsold K., Koval A.G. [Processes of transformation in Latin America: reasons and tendencies]. *Latin America*, 2012, no. 9. (In Russ.)
9. Semyonov S.I. [Transformations of “nation” in Latin America]. *Natsional'naya ideya. Strany, narody, sotsiumy* [National idea. Countries, people, societies]. Moscow, 2007. (In Russ.)
10. Stepanov G.V. *Ispanskiy yazyk v stranakh Latinskoj Ameriki* [Spanish in the countries of Latin America]. Moscow, 1963. (In Russ.)
11. Firsova N.M. *Ispanskiy yazyk i kul'tura v ispanoyazychnykh stranakh* [Spanish and culture in the Spanish-speaking countries]. Moscow, 2012. (In Russ.)
12. Firsova N.M. *Yazykovaya variativnost' i natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo obshcheniya v ispanskom yazyke* [Language variability and national and cultural specifics of speech communication in Spanish]. Moscow, 2000. (In Russ.)

CHERNOV Igor V. — *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: igor_chernov@mail.ru